

Полина Ковальская

A romantic couple embracing at night. The man, with dark hair and a beard, is wearing a dark suit and has his arms around the woman. The woman has long, wavy brown hair and is wearing a dark green, low-cut dress. They are looking at each other intimately. The background is a dark, rainy night with blurred city lights and a wet surface reflecting the light.

ЖЕНА
НА ГОД

Полина Ковальская

Жена на год

<https://litres.ru/74212389>

Аннотация

Я вышла замуж за человека, который разрушил бизнес моей семьи.

На год. По контракту.

Между нами нет ни капли любви.

Павел Громов получил контроль над моей компанией, а я получила шанс спасти то, что осталось.

Теперь мы живем в одном доме, спим в одной кровати, играем идеальную пару для всего мира.

Но наедине мы — враги.

И чем дольше длится этот брак, тем опаснее становится игра.

Потому что однажды я могу совершить самую большую ошибку — влюбиться в своего врага.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	23
Глава 4	36
Глава 5	46
Глава 6	51
Глава 7	57
Глава 8	63
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Глава 1

Павел

— Я здесь, чтобы сообщить совету: сегодня в восемь утра «Громов Холдинг» приобрёл пятьдесят два процента акций «Ларина Групп». Как видите, господин Маслов, госпожа Худякова и господин Батуринов сегодня не присутствуют. Их доли теперь принадлежат мне.

Ручка с глухим стуком падает на чёрную столешницу.

В комнате повисает тяжёлая тишина.

Я стою во главе длинного стола из тёмного дерева с латунными вставками. Вокруг топ-менеджеры. Никто не двигается, лица бледнеют, кто-то сглатывает, кто-то поправляет галстук. Несколько человек хватаются за телефоны, пальцы нервно тычут в экраны. В комнате раздаются сдавленные вздохи, шёпоты, переглядывания.

Я шёл к этому три года.

Только Катя Ларина на дальнем конце стола остаётся неподвижной.

Я видел её дважды на отраслевых встречах. Она всегда производила впечатление: безупречно вежливая, собранная, чуткая. Сегодня на ней тёмно-синий костюм, идеально сидящий по фигуре. Тёмные волосы собраны в низкий пучок, на ушах жемчужные серьги.

Спина прямая, лицо спокойное, почти равнодушное.

— Оформление документов займёт час, — добавляю я.

Борис Климентов, финансовый директор, поднимает руку, как школьник.

— Павел Сергеевич, кажется, здесь ошибка. Наши квартальные результаты...

— А вот и нет, — перебиваю я. — Ваша прибыль упала на пятьдесят процентов по сравнению с прошлым годом. Частные инвесторы быстро продали свои доли.

В комнате снова шелест, приглушённые перешёптывания. Неизвестная мне женщина яростно стучит по клавишам планшета, её пальцы дрожат.

Катя молчит. Она не крутит ручку, не делает пометок, не переглядывается с коллегами. Просто смотрит на меня своими ясными голубыми глазами.

В этом взгляде ничего не разобрать, а я ведь ожидал другого.

Три года я представлял этот день: растерянные лица, крики, суматоху. Представлял, как Константин Ларин откроет рот и не найдёт слов, как Катя дрогнет...

Но вместо этого — спокойствие.

И что хуже всего — Константина в комнате нет.

Это раздражает.

Её спокойствие и неподвижный взгляд вызывают у меня неприятное чувство. Внутри я всё ещё убеждён: сила принадлежит тому, кто дойдёт до конца. На мгновение, слишком спокойная и собранная, она заставляет меня задуматься:

какой она станет, когда наконец сдастся?

Я тут же отгоняю эту мысль.

— В ближайшие месяцы нас ждут большие изменения, — говорю я. — «Ларина Ателье» и «Ларина Парфюм» присоединятся к «Громов Люкс». Остальные проекты войдут в «Громов Холдинг». Основное внимание уделим устранению ненужных функций.

На лицах некоторых людей проскальзывает страх. Борис морщится, как будто съел что-то неприятное.

Катя медленно поднимается.

— Спасибо за объявление, Павел Сергеевич, — произнесла она ровным, деловым тоном. — Мне нужно проверить сделки, поэтому я объявляю перерыв. Свяжусь с вами до конца дня.

Ни возражений, ни просьб.

Взяв планшет и телефон, она направляется к двери. Проходя мимо, почти касается меня плечом.

Я чувствую её запах — прохладный, свежий, с лёгким цитрусовым оттенком, словно воздух перед рассветом. Он кажется мне смутно знакомым, но совершенно не похож на то, что я встречал раньше.

Тело реагирует быстрее разума. По позвоночнику пробегает короткий жар — резкий, нежелательный импульс, ударяющий вниз живота.

Это мне не нравится.

Я стискиваю зубы и заставляю себя смотреть уверенно.

Такие реакции недопустимы. Катя Ларина — не та женщина, о которой можно так думать. Она — цель, препятствие, фамилия, которую я собираюсь забыть.

Остальные участники совещания, нервно поглядывая по сторонам, торопливо собираются и выходят вслед за ней.

Через минуту я остаюсь один в переговорной.

Не так я это видел. Должно было быть сопротивление, возмущение, первые трещины в их фасаде. А вместо этого — холодная выдержка и странное напряжение, которому я не нахожу объяснения.

Я поправляю манжеты и направляюсь к лифту. На первом этаже меня уже ждёт водитель, Анатолий: он открывает заднюю дверь машины.

— В офис, Павел Сергеевич?

Я коротко киваю и сажусь.

Как только дверь закрывается, я поднимаю перегородку и звоню Марку.

— Готово, — говорю я, когда он отвечает.

— Отлично, — в голосе Марка слышится улыбка. Мой стратег и лучший друг — тот, кто помог всё просчитать до минуты. — Как совет отреагировал?

— Как и ожидалось: шок, переполох, — я делаю паузу и добавляю: — Катя Ларина держалась на удивление спокойно.

— Интересно. Ни волнения? Совсем ничего?

— Ничего. Сказала, что свяжется сегодня. — Я ослабляю

галстук и вспоминаю, как она прошла мимо: запах, внезапный жар по спине. — Ей нечего противопоставить.

— Всё равно не спускай с неё глаз. Ларины умеют улыбаться ровно до той секунды, пока не ударят исподтишка.

В его тоне мелькает что-то личное, острое — я такого раньше не слышал.

— Ты никогда не говорил, что имел дело с Лариными.

— Да это просто... по слухам знаю, — быстро отвечает он. — Андрей Ларин улыбался да конкурентов под откос пускал. Константин ничем не лучше. Катя, скорее всего, такая же.

Я собираюсь расспросить подробнее, но он тут же переводит разговор:

— Знаменательный день, Паш. Твой отец бы тобой гордился.

Упоминание отца стягивает грудь тугой полосой.

— Мы ещё не закончили. Это только начало.

— Первая кровь, — соглашается Марк. — Три года подготовки — и теперь «Ларина Групп» у тебя в руках. Ну, и как оно?

Я смотрю в окно на здание: исторический дом в стиле ар-деко; на фасаде над входом — изящная буква «Л». Скоро там будет «Г». Или вообще ничего.

— Это справедливость, — говорю я, но слова звучат пусто. Спокойствие Кати полностью обесценило победу.

Марк тихо усмехается.

— Встретимся в офисе. Дел ещё невпроворот.

Я заканчиваю звонок.

Не проходит и десяти секунд, как телефон снова звонит. Мать.

Я думаю сбросить, но отвечаю на третьем гудке.

— Мама. Доброе...

— Что ты натворил?

— О чём ты?

— Ларины. Что...

— Это деловое решение. Тебя это не касается.

— Не касается... — она делает паузу, стараясь говорить спокойно. — Павел, мне только что звонила Майя Худякова. Она сообщила, что продала тебе акции. Что ты прибрал к рукам «Ларина Групп»? Пожалуйста, скажи, что это не так!

— Всё под контролем, мама. Я их купил.

Тишина.

— Зачем?

— Ты знаешь зачем, — я делаю паузу, и в голове снова вспыхивает Катя: спокойный взгляд, выдержка, запах, жар. — И есть ещё кое-какие обстоятельства.

— Обстоятельства? Я-то знаю зачем. Твой отец умер тринадцать лет назад, Павел. Это безумие. Что хорошего может из этого выйти?

Я смотрю на тротуар: люди идут по своим делам — обычный день, будто ничего не произошло.

— Я выверну «Ларина Групп» наизнанку, — говорю я. — Через год фамилия Лариных будет лишь строчкой в хронике

отрасли.

— И ты называешь это справедливостью ради отца? Думаешь, это что-то изменит? — голос становится холодным. — Мсть — опасное дело. Она обходится дороже, чем кажется. Найди себе другое занятие. Другую цель.

— Спасибо за заботу, — отвечаю я без тепла. — Но процесс уже запущен. Наш совет директоров одобрил сделку единогласно.

— Совет, — фыркает она. — Эти люди, которые тебе всегда поддакивают? И твои сотрудники? Марк нашептывает тебе на ухо, а ты думаешь, что он беспристрастен? Они поддержат что угодно, лишь бы место своё не потерять.

— Мама, это...

— Павел, послушай меня, — тон резко меняется, становится тревожным. — Ларины могли выглядеть так, будто сломали твоего отца и вышли сухими из воды, но он... — она осекается, собирается. — Это было давно. Не позволяй этому стать сутью твоей жизни. И что ты имел в виду под «обстоятельствами»?

Голубые глаза Кати снова встают передо мной — то, как она держала мой взгляд и не моргала. Я не собираюсь обсуждать это с матерью.

— Тебе не о чем беспокоиться. До свидания.

Я сбрасываю звонок. Моя мать всегда отличалась крайней прагматичностью. Для неё не существует долгов, есть только просчёты. Но я понимаю другое: долги памяти не исчезают.

Их не закрывают, а лишь откладывают — до того момента, когда придётся заплатить сполна.

Машина застряла в московских пробках. Мы стоим между Садовым кольцом и следующей развязкой. Я смотрю на часы: десять сорок пять. К полудню новость разлетится по всем каналам. Начнутся звонки: инвесторы, журналисты. План сработает идеально.

Почему её спокойствие так задевает меня?

Почему я вдруг почувствовал странное, резкое волнение, когда она прошла мимо? Это опасно.

Неважно. Она сама свяжется со мной до конца дня. Попросит отсрочки, каких-то условий, послаблений. А мне останется только отказать ей.

Её отец не дал поблажек моему отцу пятнадцать лет назад. Ситуация повторяется.

Я откидываюсь на кожаное сиденье и закрываю глаза. Внутри остаётся неприятная пустота: её равнодушие обесценивает мою победу. Тот всплеск эмоций был лишь досадной помехой.

Завтра она поймёт, что всё серьёзно. И я получу то, что хочу: Ларина придёт с повинной.

Глава 2

Катя

Я захлопываю дверь кабинета, сдёргиваю пиджак и швыряю его на ближайший стул. Руки дрожат, но мне нельзя давать слабину. Только не сейчас.

Вцепляюсь в край стола и стараюсь дышать. Медленно. Глубоко. Вдох — выдох. Мое спокойствие, которое я показывала Павлу Громову, рассыпается, но на его место приходит что-то новое. Холодное. Упрямое.

Пятьдесят два процента.

Цифра жжёт изнутри, как клеймо.

Дверь открывается без стука. В кабинет стремительно врывается мой корпоративный юрист Диана Манина, за ней заходит Константин Ларин. Марина, моя помощница, останавливается у порога. Её брови нахмурены, взгляд тревожный. Я незаметно шепчу ей: «Всё в порядке». Она кивает и закрывает дверь.

— Пятьдесят два? — силло уточняет Константин. Его голос всё ещё звучит сухо, как наждак, после недавней болезни. — Диана сказала, что Маслов, Худякова и Батурин всё продали?

Я выпрямляюсь.

— Да. Теперь «Громов Холдинг» владеет «Ларина Групп».

Голос звучит пугающе спокойно. Даже для ме-

ня.

Константин тяжело опускается на стул, его левая рука заметно дрожит. В свои шестьдесят пять лет мой дядя выглядит как измождённый старик: серое лицо под загаром, усталые глаза. Правой рукой он ослабляет галстук — это жест поражения.

— Надо действовать, — обращаюсь я к Диане, избегая взгляда на Константина. Мои движения точны и выверенны, словно я следую заранее подготовленному плану. — Какие у нас есть варианты?

Диана открывает планшет и быстро пролистывает страницы. Вдруг она останавливается.

— Вариантов немного, — говорит она тихо. — Если Громов получит контрольный пакет, он может сменить совет директоров, изменить управление и разобрать компанию по частям. Оставшимся акционерам может ничего не достаться.

— Он нас уничтожит, — говорю я спокойно. Хожу туда-сюда по кабинету, измеряю шагами пространство. — Пропадёт всё, что строил отец. Это месть.

Мой взгляд задерживается на фотографии на тумбе. На снимке — папа. Андрей Ларин. Его последний корпоративный вечер перед аварией.

До беды оставалось три месяца.

Он улыбается, как будто впереди ещё много времени. Глаза у него, как у меня. Тёплые. В бизнесе таких быстро учат скрывать эмоции.

Под рёбрами кольнуло.

Отец верил: бизнес должен быть честным. Важно делать настоящее, а не гнаться за модными словами и красивыми отчётами.

Я сжимаю губы, стараясь не выдать эмоций. Я цепляюсь за это. За него. За его веру. И не могу позволить себе сломаться.

Резко останавливаюсь и произношу:

— Мой трастовый фонд.

Константин сразу напрягся.

— Что с деньгами?

— Условия, которые поставил дед. Основную сумму нельзя трогать до тридцати пяти лет.

Я перебрала в голове все возможные варианты. Один за другим, но каждый приводил в тупик.

Почти все.

— Есть брачная оговорка, — добавила Диана.

Она быстро подняла голову.

— Если выйдешь замуж, деньги разблокируются раньше, — подтвердила она и вдруг замолчала. — Катя... ты ведь не собираешься...

— Это временный брак по договору, — сказала я.

Слова звучат странно, будто чужие. Но вдруг план перестаёт казаться безумием. Наоборот, он становится опорой, единственным выходом.

Я поворачиваюсь к Константину.

— Если я выйду замуж за Павла Громова, сразу получу

доступ к фонду.

Константин пристально смотрит на меня.

— Хочешь выйти за человека, который только что забрал нашу компанию?

— Это уже произошло. Думай как стратег, — уверенно говорю я и подхожу к маркерной доске. Беру маркер и начинаю писать пункты чёткими, уверенными линиями. — Брак решает три важные задачи. Во-первых, он замедлит переход и даст нам время передохнуть. Во-вторых, изменит восприятие для общественности — вместо «враждебного захвата» мы получим «стратегический союз», и люди перестанут паниковать: клиенты, сотрудники, рынок. В-третьих, я получу пятьсот миллионов рублей.

— Этого не хватит, чтобы выкупить контрольный пакет, — раздражённо бросает Константин.

Я стучу маркером по доске.

— Этого недостаточно, но хватит, чтобы «Возрождение» стало самостоятельным.

Я оборачиваюсь к ним.

— Вы оба понимаете, что «Возрождение» — больше, чем просто линия продуктов. Это направление, в которое отец стремился превратить всю компанию: честное, экологичное «Сделано в России». Без дешёвой рекламы и показухи. Дед не поддержал его идеи, инвесторы затягивают время...

Я замолкаю и смотрю Константину в глаза.

— Даже если «Ларина Групп» обанкротится, «Возрожде-

ние» сможет выжить. У проекта есть своя команда, разработки и клиенты. Это идея, которая может существовать самостоятельно.

Я сжимаю маркер в пальцах.

— А если у меня будут деньги и время, я подниму этот проект. Чего бы это ни стоило.

Диана задумывается.

— В условиях фонда указано только «брак», но ничего не сказано о сроке. Мы можем заключить временное соглашение: определить условия, даты и ясный финал.

— Максимум год, — говорю я, и план внутри окончательно встаёт на место.

— Ты будешь жить под одной крышей с врагом, — тихо говорит Константин, сведя брови.

В животе затягивается тугой узел боли. Одно воспоминание вызывает дрожь. Я снова ощущаю его запах. Мы стояли так близко, почти касаясь плечами. Пульс неожиданно учащается, отдаваясь в ключицах.

Я подавляю эту реакцию, пытаюсь её заглушить.

Нет. Не сейчас. Не с ним.

— Нет, — резко говорю я. — Это сделка. Ничего больше. Я защищаю людей.

Я закрываю маркер. В тишине раздается громкий щелчок. Я смотрю Константину в глаза.

— Если мы всё потеряем, тысячи людей останутся без работы. Этот год даст нам время устроиться, а не быть разо-

рванными в один миг.

Он молчит, обдумывает. Потом едва заметно кивает. Его лицо становится отстранённым, словно он уже просчитывает последствия в уме. Я снова смотрю на доску, на причины.

— Проверь с точки зрения закона, — говорю я Диане. — Мне нужно точно знать, что это сработает.

Она быстро печатает заметки.

— Если всё в порядке, я сразу перейду к основным пунктам договора. Но ты уверена, Катя? Это крайняя мера.

— Крайняя — это когда разрушают всё, что построил отец, — говорю я, чувствуя, как внутри поднимается злость. — Мы не выстоим в этой войне. У Громова есть контроль и деньги. Но я могу спасти «Возрождение»: защитить сотрудников и, возможно, повлиять на объединение. И ещё... есть шанс выручить часть стоимости акций, пока Громов не обвалил их?

— Я дам тебе ответ в течение часа, — говорит Диана и встаёт.

— Константин, позвони Маслов, Худяковой и Батурину, — говорит начальник. — Узнай, что им предложил Громов. И позвони Воронову. Проверь, собирается ли Анна Белова продавать свои десять процентов.

— Сделаю, — кивает Константин, медленно поднимаясь. Его движения кажутся напряжёнными, словно каждое требует усилий. — Хотя, честно говоря, сомневаюсь, что мы сможем перебить их цену.

— Это всё равно важно знать, — отвечаю я. — К тому же, Диана, найди личный номер Громова. У тебя получится быстрее, чем у Марины.

Они выходят.

Я сажусь в кресло и смотрю в окно. Вдруг осознаю весь масштаб плана.

Брак. С Павлом Грозовым. С человеком, который час назад отнял у меня компанию.

Тройной стук в дверь.

Входит Юлия Рогова, не дожидаясь приглашения. Моя лучшая подруга и пиар-директор со времён бизнес-школы. Я отворачиваюсь от окна и смотрю на неё.

Она приподнимает бровь — немой вопрос.

— Скажи, что у тебя есть план, — говорит она, притворив дверь. — Громов уже сделал заявление. Почти никаких деталей: только что «Громов Холдинг» стал главным владельцем «Ларина Групп». Акции их компании начали расти. Мне уже звонят из РБК, «Ведомостей» и ещё трёх изданий.

— Решение есть, — говорю я. — Но тебе оно не понравится.

— Давай.

Юлия садится в кресло для посетителей. Её осанка остаётся безупречной, словно она на фотосессии, а не в эпицентре пожара.

— Предложу Павлу Громову брак по договору. На год. С чёткими условиями. Только бизнес.

Я замечаю, как у неё меняется лицо. Юля округляет глаза.
— Да это же... сумасшествие какое-то! Ты понимаешь? Ну просто сумасшествие!

— Есть идея лучше? — спокойно спрашиваю я, скрепя руки.

Она замирает. Потом выпрямляется ещё сильнее — хотя, казалось бы, куда.

— Катя, это твоя жизнь, и это не просто стратегия. Ты юридически связываешь себя с человеком, который, кажется, строит козни против вашей семьи.

— На конкретный срок, с точной датой окончания, — уверенно говорю я. — Зато я хотя бы спасу «Возрождение» и выделяю его в отдельный проект. Это самое важное.

Юля внимательно смотрит на меня. Её взгляд полон сомнений.

— А если он откажется? — спрашивает она тихо.

— Тогда всё станет ещё хуже, чем сейчас, — отвечаю я спокойно.

На экране телефона появляется уведомление — письмо от Дианы. Я открываю его и быстро пробегаю глазами. Вижу номер Громова и подтверждение: юридическая схема возможна. Руки снова начинают дрожать. Я прячу их на коленях, сжимаю кулаки.

Поднимаю взгляд на Юлю. Она смотрит на меня с тревогой.

— Он не откажется, — уверенно говорю я. — Это слиш-

ком выгодно для него. Это сгладит переход, улучшит его положение на рынке и даст ему то, что он явно желает. Контроль над Лариной.

— Ты не просто "какая-то Ларина", — тихо говорит Юля, глядя мне в глаза. — Ты последняя, кто носит фамилию и продолжает дело твоего отца. Он бы этого не хотел.

— Отец хочет, чтобы я побеждала, а не играла в благородство, — говорю я, перебивая её. — Это стратегия, Юль. Помоги мне, пожалуйста.

Она тяжело вздыхает и кивает.

— Ладно, — говорит она, — но мы фиксируем всё. Каждый шаг. И у тебя должен быть чёткий план выхода.

— Он уже есть, — отвечаю я, глядя на письмо Дианы. — Юристы считают, что это возможно. Ну что, едем?

Я набираю номер Павла Громова. Сердце колотится, но внутри — ледяная уверенность. Юля пристально смотрит на меня.

Он отвечает на звонок после второго гудка.

— Катя Ларина, — слышу я его низкий, уверенный голос. — Быстро вы работаете. Откуда у вас мой номер?

Я отворачиваюсь, чтобы Юля не увидела моего лица. Щеки у меня горят.

— Есть способы, — отвечаю я ровно. — У меня для вас предложение, Павел Сергеевич. Про то, как будем двигаться дальше.

Пауза. Я глубоко дышу, стараясь успокоиться.

— Хорошо, слушаю, — наконец говорит он.

— Завтра утром, — уверенно произношу я. — Ваш офис, девять часов.

— С какой целью? — удивлённо спрашивает он.

— Мы можем заключить взаимовыгодное соглашение, — объясняю я. — Это превратит "враждебный захват" в "стратегический союз" и будет выгодно нам обоим.

Снова пауза. На этот раз она кажется длиннее.

— В девять утра, — наконец отвечает он. — Не тратьте моё время, Катя Ларина.

— Не трачу, — спокойно отвечаю я и завершаю звонок.

Закрываю глаза, делаю глубокий вдох. Затем поворачиваюсь к Юле. Её недовольство нарастает.

— Ты привлекла его внимание, — говорит она с насмешкой. — Теперь нужно убедить эту акулу, чтобы она не съела тебя, а женилась.

Я смотрю на свои руки. Они уже не дрожат. У меня есть план.

— Он согласится, — тихо говорю я. — Под всем этим холодным расчетом Павел Громов хочет одного — победить.

— Контролировать твою фирму и уничтожить тебя, — добавляет Юля.

— Добиться победы наверняка, — уверенно отвечаю я.

Встаю, надеваю пиджак. Ткань приятно скользит по рукам, словно броня.

— Я заставлю его поверить, что брак со мной — это самый

быстрый, простой и надёжный путь к победе.

Павел Громов не знает одного.

Этот путь ведёт и ко мне.

Глава 3

Павел

— Павел Сергеевич, Екатерина Ларина пришла, — докладывает секретарь.

Я отрываюсь от экрана. Жанна уже у двери, и по её лицу ясно: ей тоже не терпится узнать. Новость о вчерашнем инциденте разлетелась мгновенно, и то, что Ларина явилась в мой офис, кажется удивительным явлением.

— Пусть заходит.

Я закрываю файл с прогнозами и встаю, застёгивая пиджак. Пути назад нет. «Ларина Групп» теперь моя.

Интересно, какой следующий шаг сделает эта девушка.

Катя заходит в кабинет. На ней графитовый костюм и блузка молочного оттенка. Волосы, как всегда, собраны в безупречный узел. Холодные голубые глаза внимательно изучают комнату, не задерживаясь ни на секунду. В её взгляде нет ни тени растерянности или поражения. Напротив, она выглядит так, будто держит в руках козырь, хотя на самом деле у неё его нет.

Она подходит ближе и протягивает руку.

— Павел Сергеевич, спасибо, что нашли время.

Его рукопожатие твёрдое, деловое. Но в тот момент, когда наши пальцы соприкасаются, по моей руке пробегает резкий, неожиданный жар. Это не игра воображения и не иллю-

зия. Я быстро подавляю эту реакцию.

— Катя, присаживайтесь, — говорит он.

Она садится напротив, положив на колени кожаную папку. Я тоже сажусь в кресло и откидываюсь на спинку. Кабинет спроектирован так, что любой посетитель сразу понимает, куда попал: чёрное стекло, строгие линии и панорамный вид на Москва-Сити — вид, стоящий дороже годовой прибыли половины компаний на рынке.

— Вы сказали, что у вас есть встречное предложение, — говорю я. — Слушаю.

Катя смотрит мне прямо в глаза.

— Я предлагаю заключить стратегический союз через брак.

Я замираю, обдумывая её слова.

— Брак? — переспрашиваю я.

— Да, — спокойно отвечает она. — Контракт на год с чёткими условиями и конкретной датой окончания.

В её голосе нет ни дрожи, ни суеты. Она излагает свои условия ровным, уверенным тоном.

— И почему вы думаете, что я соглашусь? — спрашиваю я, стараясь скрыть удивление.

— Потому что это даст вам полный контроль и улучшит вашу позицию на рынке, — объясняет она, открывая папку. — Враждебный захват всегда вызывает колебания акций. Интеграция идёт сложно: люди уходят, специалисты разбегаются, стоимость падает. А брак как стратегический союз

— это другое дело. По сути, это поглощение, но внешне оно выглядит как слияние.

Она протягивает мне лист. Я мельком просматриваю его: срок — один год. Совместных активов нет. Обязанности четко прописаны. Выход кажется очевидным.

Я поднимаю взгляд:

— И что вы получаете взамен?

Ее губы слегка напрягаются.

— Время для запуска «Возрождения».

— «Возрождение», — повторяю я, вспомнив эко-проект из закрытого квартального отчета Лариных. — Ваш чудесный экологический проект.

Её подбородок чуть приподнимается.

Отец хотел преобразовать компанию, сделав её более этичной. Он планировал использовать переработанные материалы и перенести производство на российские фабрики. Совет директоров долго тянул время, ожидая окончательный план. Я собиралась представить его вчера, пока вы не вмешались.

Я кладу лист на стол и внимательно смотрю на неё. Она предельно собрана, но смысл всё равно не ясен до конца.

— Слишком сложно, — говорю я. — Почему бы просто не попросить компенсацию при уходе и не профинансировать проект?

— Тогда пришлось бы начать «Возрождение» без упоминания Лариных, — говорит она спокойно, но твёрдо. — Я

хочу, чтобы переход прошёл гладко для тысяч людей, зависящих от компании. Вам достанется сплочённый коллектив, деньги не уйдут на суды, и вы быстро получите полный контроль.

— То есть вы хотите, чтобы я на вас женился. Ради проекта?

— Я предлагаю бизнес-договор, выгодный нам обоим, — спокойно поправляет она. — «Враг» — эмоциональное слово, Павел Сергеевич. Это бизнес.

По-хорошему, стоило бы выставить её за дверь. Но я этого не делаю. Потому что она права. Так действительно будет проще и быстрее.

— Я подумаю, — произношу я, поднимаясь. — Если у вас полный текст соглашения, дам ответ сегодня после обеда.

Она встаёт и протягивает мне документ из папки.

— В два часа? — уточняет она.

— У вас есть сроки?

— Вчера объявили о покупке контрольного пакета. Если завтра в газетах будет другая история, времени мало.

Она направляется к выходу, но у двери оборачивается.

— Ещё. Условия остаются между нами. Знать должны только несколько человек.

— Понял.

Когда дверь закрывается, я звоню Фёдору Лаврентьеву, моему юристу.

— Фёдор, срочно посмотрите этот документ.

— Пришлите по почте.

— Только бумажная копия. Поднимитесь ко мне.

Десять минут спустя Фёдор сидит напротив и внимательно изучает контракт.

— Грамотно составлено, — говорит он, откладывая бумаги. — Неожиданно. Брак даст вам контроль без проблем враждебного захвата и чёткие условия.

— Юридически надёжно?

— Абсолютно. После подписи это обычный контракт, — Фёдор поправляет очки. — Признаюсь, ход нестандартный.

— Зато эффективный. Если ускорит интеграцию и сэкономит деньги, стоит рассмотреть.

Фёдор смотрит на меня.

— Ваш отец оценил бы стратегию. Но компромисс ему бы не понравился.

Упоминание отца привычно режет под рёбрами. Сергей Громов умер сломленным. Бизнес пошёл под откос после того, как Ларины увели контракт с «Соленн». Два года спустя инсульт стал финальной точкой, но убило его предательство.

— Это не компромисс, а тактический манёвр, — отвечаю жёстко.

Фёдор кивает, но сомнения не исчезают.

— Документ подробный. Если хотите идти дальше, можете подписывать. Но Павел... вы уверены? Даже временный брак — серьёзная штука.

— Это контракт. Ничего больше.

Я встаю, давая понять, что разговор окончен.

— Спасибо, Фёдор. Сообщу о решении.

Когда он уходит, я снова открываю контракт и начинаю листать страницу за страницей. И вдруг останавливаюсь.

Не верится, что я вообще это рассматриваю.

Мне нужен ещё один взгляд. Я звоню Марку.

— Есть новости по Лариным, — говорю я. — Заедешь ко мне?

— Какие именно?

— Такие, что тебе стоит услышать лично. Раз уж почти полдень, скажу Жанне заказать обед.

— Из «Себастьяна»? — уточняет он. — Я скину ей свой заказ.

— Давай.

Я нажимаю кнопку на телефоне:

— Жанна, закажи обед для меня и Марка из «Себастьяна». Мне, как обычно. Марк сейчас напишет вам свой вариант.

— Хорошо, Павел Сергеевич.

Через четверть часа Марк заходит. Жанна ставит пакеты с едой на стол и молча выходит.

Марк приподнимает бровь:

— Ты меня кормишь. Значит, дело серьёзно.

Я разворачиваю сэндвич и киваю на папку:

— Утром приходила Катя Ларина. Предложила брак.

Он удивлённо дёргает уголком рта:

— С тобой?

— Контракт на год, стратегический союз. Активы разделим без лишнего шума. Все пройдет тихо.

Марк открывает папку и быстро просматривает документы.

— Ничего себе. Денег не просит. Только время. И опцию выкупа акций Кати и Кости. Цену позже.

Я честно отвечаю:

— Анна Белова упирается, так что купить всё за копейки не получится.

Откусываю сэндвич. Марк читает быстро, по делу. Не тороплю его.

Наконец он закрывает папку:

— Это ты рассматриваешь?

— Ускоряет интеграцию, убирает суды и смену повестки. Хорошая стратегия.

— Она уже выигрывает тем, что стоит рядом с тобой в этой истории. Даже если формально отдаёт власть, со стороны всё будет выглядеть иначе. Будто вы с Лариными породнились, а не воюете.

— Это внешняя картинка, — отрезаю я. — Важно одно: контроль. Он у меня. Когда всё закончится, фамилия исчезнет. «Ларина» растворится. Этот контракт просто ускоряет процесс.

Марк медленно откусывает сэндвич.

— Ты терпеть не можешь неопределённость. Договорной

брак — сплошная неопределённость. Особенно когда пресса начнёт верить, что всё по-настоящему.

— Не начнёт, — отвечаю я.

Но слова звучат менее уверенно, чем хотелось бы. Даже для меня.

Марк жуёт, не отрывая от меня взгляда.

— Ты уже выиграл, Паша. Необязательно давить дальше.

Я опускаю взгляд на свои руки и вдруг, на мгновение, вижу перед собой отца на больничной койке. Трубки, аппараты, монотонный писк монитора. Его глаза открыты, но его уже нет. Я, двадцатидвухлетний, стою рядом и подписываю бумаги..

Отец ушёл слабым.

А Ларины? Их репутация только окрепла. Фамилия зазвучала ещё громче.

Я прогоняю воспоминание и глотаю последний кусок сэндвича.

«Громов Холдинг» давно превзошёл «Ларина Групп». Ещё до сегодняшнего дня он был в десять раз крупнее. А бизнес «Ларина Групп» уже давно идёт на спад.

Действуй разумно. Никаких эмоций. Не оставляй места для сомнений. И поаккураатнее там с сексом!

Я бросаю на него взгляд.

Он пожимает плечами:

— Я знаю тебя десять лет. Женщины тебя обычно не цепляют. А её ты называешь по имени. Уже не «Ларина», а Катя.

Ты сам не замечаешь?

Я молчу. Его точное замечание вызывает холод в груди, словно что-то вторглось без разрешения. Пальцы на полированном столе сжимаются в кулак, и гладкое дерево впивается в ладонь.

Он замечает это.

Я доедаю последний кусок и спокойно вытираю руки о салфетку.

— Через год она станет просто сноской, — произношу я. — На бумаге — моя жена. А на деле — часть «Громов Холдинга». Ни кола, ни двора.

Марк поднимается, собирая мусор со стола.

 — Тогда подпиши. Просто не дай ей перехитрить тебя.

 — Не позволю.

 — Надеюсь. — Он задерживается у двери. — Если позволишь... исчезнет не фамилия Лариных.

 — Марк, спасибо. Я позвоню тебе потом.

Он кивает и уходит. Я ещё час перечитываю контракт. Условия предельно ясны. Никаких ловушек, никаких двусмысленных формулировок. Один год. Взаимная выгода. На бумаге всё выглядит идеально. Но что-то беспокоит меня. Не сама структура договора и не его восприятие окружающими. Дело в другом. Она пришла ко мне. Увидела мой шаг и ответила с холодным расчётом.

Вошла в кабинет так, будто была уверена, что я скажу «да». Вот это я и прокручиваю в голове снова и снова. У неё

железная хватка. Никто ещё не предлагал мне таких условий — даже самые опытные переговорщики. Это вызов. Наглый и неожиданный. Возможно, дело не в компании. Возможно, я хочу доказать, что могу держать ситуацию под контролем, включая её.

К половине второго я принимаю решение.

 Я откажу.

 Удовольствие разобрать «Ларина Групп» по частям, действуя по своим правилам, перевешивает ценность её аккуратного предложения. Победа должна быть полной, никакого смягчения.

В два часа ровно Жанна по внутренней связи объявляет:

 — Катя Ларина вернулась.

 — Хорошо, пусть заходит.

Я поднимаюсь, поправляю галстук и готовлюсь произнести отказ — отточенный до мельчайших деталей.

Катя входит с той же собранной уверенностью, что и утром.

Я принимаю контракт. Она не тянется к руке, и я не подаю ей своей.

— Какие правки хочет внести ваш юрист перед подписью? — спрашивает она, садясь напротив без приглашения.

Её самоуверенность раздражает. Она ведёт себя так, словно я уже согласился. Эта уверенность задевает сильнее любых аргументов. Мой подготовленный отказ начинает рассыпаться — только потому, что первый шаг сделала она.

Я приподнимаю бровь:

 — С чего вы решили,

что я вообще согласен?

 — Потому что это разумный шаг, — спокойно объясняет Катя. — Можно потратить год на суды, прессу и потерю сотрудников. А можно за час в загсе получить всё, что нужно.

И затем она улыбается.

 — И дать журналистам новую тему, за которой они будут охотиться.

Её лицо на миг преобразается от улыбки. Я невольно желаю, чтобы она улыбалась чаще.

Но маска возвращается. Теперь другая — более острая, уверенная. Этого достаточно, чтобы внутри меня что-то вспыхнуло — тёплая, но резкая волна.

Она берёт из папки контракт и ручку. Кладёт ручку рядом с документом. Наши пальцы случайно соприкасаются.

Это прикосновение обжигает, словно удар тока. Оно разрушает остатки самообладания. Пульс учащается, кровь приливает к лицу.

Я резко отдёргиваю руку, недовольный колючим ощущением. Она смотрит на меня спокойно, без улыбки, без эмоций. Её холодные голубые глаза видят во мне лишь проблему, которую нужно устранить.

— Это соглашение больше вам на руку, чем мне, — пытаюсь вернуть разговор в нужное русло.

— Правда? — она отвечает спокойно. — Вы получаете контроль без войны. Рынку понравится эта история. И вы избежите лишнего внимания регуляторов, которое всегда сопровождает агрессивные поглощения. Я останусь рядом, но

стол будет ваш. И правила тоже.

Она права. И в этом проблема.

Я снова беру контракт и перелистываю его, будто впервые вижу. Покупаю время, не глядя на её губы, не вспоминая, как она на миг изменилась.

Условия ясны. Выход очевиден. Контроль над «Ларина Групп» будет быстрым и полным.

Я кладу контракт на стол, беру ручку и копию. Мы снова касаемся пальцами, и на этот раз тепло остаётся на коже. Я притворяюсь, что проверяю документы, хотя на самом деле стараюсь успокоиться.

— Один год, — произношу я, поднимая ручку. — Без продлений.
— Согласна, — отвечает она.

Я ставлю инициалы на страницах и подписываю последнюю. Передаю ей документ. Катя расписывается без колебаний — уверенно и изящно, словно ставит точку в решении, которое давно приняла. Я подписываю вторую копию, и она делает то же самое.

Сделка завершена.

За считанные минуты я соглашаюсь жениться на дочери того, кто разрушил жизнь моего отца.

Катя убирает папку и поднимается:
— Моя команда свяжется с вами. Действовать нужно быстро.
— Насколько?
— Юлия Рогова, наш директор по коммуникациям, позвонит вам, как только я уйду. Пресс-релиз уже готов, я его утвердила.
— Вы были увере-

ны, что я подпишу?

 — На вашем месте я бы согласилась, — говорит Катя. — Но я была готова к любому исходу.

Она поворачивается к двери. Руки не протягивает. Интересно.

 — А свадьба? — спрашиваю я.

Катя замирает, ладонь на ручке двери. Вот. Наконец я вижу напряжение — в плечах, едва заметное.

 — Как можно быстрее, — говорит она и выходит.

Я сижу за столом и смотрю на закрытую дверь.

Захват «Ларина Групп» прошел не по плану, но результат меня устраивает. Теперь Ларина юридически связана со мной и зависит от моего участия в ее проекте.

Один год.

Годовая цена за полный контроль кажется разумной.

Но ее прикосновение все еще ощущается на коже. Тело помнит тот миг, когда она улыбнулась — коротко, почти мимоходом.

Раздражает...

Это не входило в мои расчеты.

Это бизнес. И ничего больше.

В бизнесе я не проигрываю.

Я всегда доводил дела до конца.

Но почему эта победа ощущается не как финал, а как начало чего-то, что я еще не могу понять?

Глава 4

Я захожу в сияющий банкетный зал. Держу улыбку, как маску, пока взгляд скользит по лицам гостей. Место для помолвки выбрано идеально. Юля создала безупречную картину: каждая деталь продумана до мелочей, как для обложки журнала о «идеальной паре».

У входа стоят фотографии. Вспышки ослепляют, и я на мгновение замираю в дверях.

Юля шепчет:

— Еще три шага вперед, потом остановись. Это главный кадр. Постарайся выглядеть счастливой. Представь, что «Возрождение» наконец-то получит деньги.

Я расслабляюсь и иду вперед, стараясь не думать о тревоге, сжимающей живот.

Юля выбрала платье без ошибочно. Темно-синее, почти ночного оттенка, оно идеально сидит, подчеркивая бедра и длинные ноги. Сегодня волосы распущены — мягкие волны струятся по спине вместо привычного строгого пучка. В ушах сверкают бриллиантовые гвоздики из семейной коллекции.

Маленькая искра настоящего в этой выстроенной роли.

— Ты молодец, держись, — говорит Юля, уверенно ведя меня через толпу. — У нас есть полчаса, чтобы пообщаться с гостями до объявления. Павел скоро должен приехать.

— Странно, что ты не устроила нам совместный выход,
— тихо замечаю я.

— Так интереснее, — спокойно отвечает Юля. — Нужно подогреть ожидание. Вас с Павлом еще никто не видел вместе.

Она права. Весь вечер — как спектакль.

— А где Костя? — спрашиваю я, беря бокал с подноса официанта.

— Написал, что плохо себя чувствует. Опять, — Юля поджала губы. Его постоянные исчезновения её раздражали. — Неважно. Сосредоточься на сегодняшнем вечере. История работает.

Она быстро оглядела зал.

— Все уверены, что слияние компаний было в планах давно. Ускорение произошло из-за вашей личной связи. Вчерашний пресс-релиз Громова лишь подогрел интерес. Теперь вы решили всё подтвердить.

— И это правда работает? — я стараюсь не улыбаться.

Юля кивает.

— Всё работает идеально. Представьте: два сильных человека — сначала уважение, потом яркий роман. Вы не собирались об этом рассказывать, но из-за слухов о вражде пришлось всё прояснить. Такие истории людям нравятся. Им хочется в них верить.

— Ты успела все подготовить за один день... спасибо, — говорю я, чувствуя, что слова звучат слишком банально для

такого грандиозного представления.

— Не спеши благодарить. Нам еще надо пережить поцелуй. Иди поговори с остальными. Я проверю, как дела у координатора.

Я киваю и делаю глоток холодного, сухого шампанского. Но внутри меня поднимается тревожный жар, и дело явно не в алкоголе. Перед глазами всплывает кабинет Павла. Его пальцы касаются моих, и по руке, вдоль позвоночника, пробегают короткая искра. Я резко отдергиваю руку, испугавшись второго касания.

Я постоянно твержу себе: это просто ерунда. Адреналин. Реакция на стресс.

Очень хочется верить, что я не обманываю себя.

Даже сейчас, среди людей, пульс не успокаивается. Глухое напряжение бьется где-то у основания позвоночника.

Сегодня он возьмет меня за руку. Поцелует.

Я выпрямляю плечи и обвожу взглядом зал.

Мое тело должно подчиниться. Должно.

— Екатерина Ларина! — холодный голос пререзает шум.

Я оборачиваюсь.

Ко мне направляется Роза Громова. На ней элегантное платье цвета темной хвои. Этот дорогой, спокойный шик сразу выдает старые деньги и железную выдержку. Она движется почти бесшумно, с пугающей грацией.

Хищница в шелке.

— Роза Игоревна, — протягиваю руку. — Очень рада на-

конец познакомиться.

Она отвечает на рукопожатие коротко, но крепко.

Её взгляд сканирует меня, словно она ищет изъяны.

— Все это... так неожиданно.

— Иногда достаточно одного момента, чтобы все стало ясно, — отвечаю я, стараясь говорить уверенно.

Это одна из фраз Юли. Даже мне она кажется слишком приторной, словно сладкая ложь.

Роза Игоревна слегка поджимает губы.

— Да, Павел всегда был решительным, — говорит она с легким предупреждением в голосе.

Я не успеваю ответить, как к ней подходят еще две женщины. Одна — строгая и собранная, другая — мягче, но с внимательным взглядом. Это сестры Павла: Лариса и Даша. Они встают рядом, почти плечом к плечу.

Единым фронтом.

Лариса кивнула и представилась:

— Катя, мы давно хотели познакомиться. Я Лариса, это Даша.

Она внимательно посмотрела на меня сверху вниз. В её глазах читался интерес.

— Павел держал ваши отношения в секрете, — добавила Даша мягче, но с ноткой любопытства.

Я тепло улыбнулась, чтобы скрыть напряжение.

— Некоторые вещи лучше оставить до нужного момента.

— И этот момент настал? — Лариса бросила на меня ко-

лючий взгляд.

— Лариса... — мягко остановила её Роза.

Даша поспешила вмешаться:

— Павел обычно не действует спонтанно.

— Это не было спонтанным решением, — отвечаю я, сохраняя спокойствие и глядя им в глаза. — Иногда лучший ход в бизнесе и в жизни совпадает.

Снова Юлины слова. Но произношу я их так, словно это мои.

Сестры обмениваются взглядами, полными недоверия. Их мысли ясны без слов.

Но доказать свою правоту они не могут.

Моя выдержка — моя защита.

В нужный момент появляется Юля — моя спасительница.

— Катя, Варварычевы только что приехали. Можешь подойти поздороваться.

Я извиняюсь и пробираюсь сквозь толпу за Юлей. Она наклоняется ко мне:

— Не стоит идти к Варварычевым. Павел уже здесь. Он на противоположной стороне зала. У вас есть пара минут до объявления.

Я киваю, оглядываюсь... и вижу *его* у бара.

Его тёмный костюм идеально сидит на широких плечах. Он словно заполняет собой весь зал. Двигается легко и уверенно. Привыкший быть центром внимания в любом месте.

Он не притворяется, и от этого опаснее.

— Иди, — мягко подталкивает Юля. — Помни: после объявления вы должны поцеловаться на камеру.

— Помню.

Всё.

Мысли снова возвращаются к тому моменту в его кабинете. После подписания контракта моё тело отреагировало слишком бурно.

Я тогда едва сдержалась.

Но сейчас мне нужно подойти к нему. Взять его за руку. Почувствовать его губы на своих.

На глазах у сотни людей. У сотни внимательных, оценивающих взглядов.

Я продвигаюсь вперёд, лавируя между гостями. Они улыбаются мне, поднимают бокалы. История нужна всем, всем хочется верить в любовь.

Я отвечаю улыбкой и продолжаю путь. Лицо остаётся спокойным, но сердце колотится, как бешеное.

Когда я приближаюсь к Павлу, Юля уже подаёт сигнал.

Павел встречает меня с тёплой улыбкой, но в его глазах сквозит настороженность.

Я замечаю, как уверенно он держится. В этой игре он чувствует себя, как рыба в воде.

— Катя, — произносит он, протягивая мне руку.

Его ладонь касается моей. Она горячая и спокойная, без спешки.

Эти прикосновения выбивают меня из равновесия, нару-

шают хрупкую внутреннюю гармонию.

Чтобы не отпрянуть, я заставляю себя думать о его руке как о тёплой перчатке. Не кожа, не живое тепло.

Я повторяю себе: стой спокойно, ничего не чувствуй. Держись пять минут.

Это всего лишь спектакль.

Выход на сцену.

— Ты готова? — спрашивает он тихо, уверенно.

— Конечно, — произношу я.

Мы поднимаемся на небольшую платформу. Шум в зале постепенно стихает, когда Павел поднимает бокал.

— Благодарю всех за то, что вы с нами сегодня, — говорит он уверенно, не спеша. Его голос легко разносится по залу. — Как вы знаете, то, что начиналось как деловые встречи, быстро переросло во что-то большее.

Он поворачивается ко мне. Держит мой взгляд.

В его глазах что-то меняется. Вспыхивает напряжение, которого я не ожидала. Появляется глубина, из-за которой на мгновение забываешь, что это игра.

— За Катю, — произносит он. — Она бросает мне вызов так, как я даже не мог себе представить.

Легкая усмешка трогает его губы, и это почти ощутимо.

Вспышки камер, настоящая метель света.

Я улыбаюсь, сжимая сценарий, словно нитку.

— И за новый этап вместе, — бодро говорю я, хотя внутри всё дрожит, а воздуха будто не хватает.

Зал взрывается аплодисментами. Юля издалека подает знак: пора.

Павел кладёт руку мне на талию и притягивает ближе. Мы почти соприкасаемся. Он наклоняется к моему уху, и его запах — янтарь, специи, нечто тёплое и мужское — мгновенно заполняет сознание.

— Улыбнись для камер, после, — шепчет он.

Губы касаются мочки уха. Я вздрагиваю и слегка отстраняюсь.

И он целует меня.

Мгновение затягивается. Ровно настолько, насколько нужно.

Его губы тёплые и уверенные, и мир сужается до этого единственного прикосновения. Жар вспыхивает внутри и быстро разливается по телу.

Мои пальцы крепче сжимают его руку — я держусь не только ради равновесия. Нет, это нечто большее. Я пока не могу назвать это чувство. Это не просто стресс. Это... опасно. Это мешает. Это всё разрушает.

Когда мы отстраняемся, я моргаю чуть сильнее, пытаюсь вернуть лицу спокойное выражение. Павел смотрит прямо на меня, не мигая, внимательно. На его скулах появляется слабый румянец, и на мгновение его зрачки расширяются, как будто он тоже... не до конца контролирует происходящее.

Щелчок — и всё исчезает. Лицо Павла снова спокойное.

Зал раздражается аплодисментами. Мы поворачиваемся — идеальное единство.

Его рука на моей талии, сильная и уверенная. Главное испытание — выдержать вечер как пара. Я играю свою роль: улыбаюсь, киваю, принимаю поздравления. Верю в историю: уважение переросло в роман.

Павел иногда касается моей ладони или кладет руку на спину. Его тепло и поддержка действуют на меня мгновенно, прежде чем разум успевает осознать происходящее. Это вызывает у меня раздражение и тревогу.

«Еще час, и можете уйти», — говорила Юля у гардероба. Она находит меня.

— Сработало, — сообщает она деловым тоном, но в глазах облегчение. — «Коммерсант» уже опубликовал кадры поцелуя. Пишут интересно: «стратегический союз с романтическим подтекстом».

— Отлично, — отвечаю я, принимая накидку. Голос ровный, но ноги дрожат.

— Ты в порядке? — Юля прищуривается, видя мою растерянность.

— Просто устала.

Она смотрит на меня, будто решая, говорить ли дальше.

— Поцелуй... сработал.

— Похоже, мы оба хорошие актеры, — сухо отвечаю я.

Юля наклоняет голову.

— Катя, послушай...

— Всё нормально, — перебиваю я. — Всё идёт по плану.

Появляется Павел. Лицо спокойное, взгляд прямой.

— Машина готова, — сообщает он.

Юля обнимает меня.

— До завтра. Нам еще многое нужно обсудить.

Мы выходим на улицу. Последний залп света. Он берет меня за руку, наши пальцы переплетаются. Это должно выглядеть естественно, близко.

Я иду в ночь, оглушенная светом, его прикосновением и дерзостью лжи.

Глава 5

Катя

Мы с Юлей сидим на строгом диване из угольно-серой шерсти. Диван стоит в небольшой гостиной, где под стеклом висят эскизы дедушкиной первой кутюрной коллекции. Комната почти не используется, но идеально подходит для бесед, которые не хочется вести за рабочим столом.

— Десять дней с момента вчерашнего заявления — это самый короткий срок, если мы не хотим вызвать подозрений, — говорит Юля, постукивая по планшету. — Выйти раньше нельзя: пресса сразу начнёт копать, искать скрытые мотивы. Пойдут слухи: беременность, «слишком быстрый брак», «срочно заключили сделку»... и так далее.

Я молча киваю.

— Значит, десять дней.

Юля листает дальше.

— Что с церемонией? Она должна быть уютной, но элегантной. Гостей достаточно, чтобы всё выглядело непринуждённо, но не слишком много, чтобы это не выглядело искусственно.

— А может мы с ним просто распишемся в ЗАГСе? — предлагаю я, хотя уже понимаю, что ответ будет отрицательным.

Юля резко поднимает голову.

— Даже не думай, — фыркает она. — В ЗАГСе сразу поймут: что-то скрывают. Или ещё хуже — «залет». Нам нужно всё красиво, со вкусом. Чтобы выглядело так, будто это не вынужденный шаг, а осознанное решение. И да, не забывай про цветочные арки... И не криви лицо!

— Цветочные арки?..

— Нормальные, стильные арки. Тихая роскошь. Такая романтическая витрина, в которую людям хочется верить.

— Ладно, что теперь? Что мне делать?

— Сначала выбери платье. Я записала тебя на примерку на сегодня после обеда. Вся команда дизайнеров борется за право сшить платье для свадьбы Громова, — улыбается Юля.

Услышав слова «свадьба Громова», я ощутила неприятный холодок внутри.

Это не моя свадьба.
 Не наша.
 И никогда ею не станет.

— И свидетельница? — уточняет она.

Она ждет, пока я озвучу это.

— Ты, конечно, — отвечаю спокойно. — Никто другой мне не нужен.

Юля замирает на мгновение. Быстро моргает, прочищает горло и деловито кивает:

— Окей, я тоже найду пару вариантов.

Она снова погружается в планшет.

— Что насчет медового месяца?

— Не будет его. Скажем, что сделка и слияние требуют нашего немедленного внимания.

— А если журналисты начнут задавать вопросы?

— Без комментариев, — отвечаю я твердо, хотя руки слегка подрагивают.

Юля кивает и делает пометку в блокноте.

— Хорошо. А квартира? Продаешь?

— Нет, только сдам на год. Но с условием, что арендатор может расторгнуть договор за сорок пять дней.

— Сорок пять? Это слишком рискованно, если что-то пойдет не так.

— Это компромисс. Я изначально хотела тридцать дней.

Сорок пять дней — чтобы успеть собрать себя заново, если прежняя жизнь совсем распадется.

Юля пристально смотрит на меня несколько секунд.

— Слушай... ты никогда не рассказывала, что Павел думает о Винни.

У меня сжимается сердце.

Винни?

Как я могла забыть о ней?

— Я не сказала ему про Винни, — отвечаю я.

— Катя! — Юля даже подсакивает на месте. — Ты пере-
езжаешь к нему через неделю и не рассказала про собаку?!

— После всего, что произошло с компанией, у меня голова кругом, — я щёлкаю ручкой туда-сюда. — Винни... я просто вытеснила это из головы. В контракте написано, что я

могу перевезти необходимые вещи. Винни — необходимая.

Юля прищуривается:

— А если он собак не любит?

Павел должен принять Винни. Мой маленький спаниель — мягкий, тёплый, всегда рядом — поддерживает меня с тех пор, как умер папа.

— Значит, привыкнет к Винни, — твёрдо говорю я. — Это всего на год.

Улыбка скользит по лицу Юли.

— Ты ведь с ней после смерти папы?

Мои губы сжимаются в тонкую линию. Я едва заметно киваю, проводя пальцами по шву диванной подушки.

— Она помогла мне пережить первые недели, — тихо говорю я. — Когда дома стало ужасно тихо. Когда я вообще не понимала, что дальше. Винни помогла мне жить, даже когда я сама не могла.

Мы ненадолго замолкаем.

— Это не ради «Ларина Групп», — тихо говорит Юля. — Компании больше нет.

— Я понимаю, — боль сжимает горло. — Но там работают люди, которые вложили в неё всю жизнь. Они не должны страдать. И «Возрождение» — это не только моё дело. Это будущее, о котором мечтал отец. Он не успел завершить его. Теперь это сделаю я.

Юля внимательно смотрит на меня, будто проверяя.

— Ты делаешь это ради этого, — произносит она.

— Дело не в победе, — шепчу я. — Важно, чтобы после всего осталось хоть что-то.

Юля кладёт планшет на колени.

— Тогда мы сделаем всё идеально, — говорит она. — Поэтапно, без ошибок.

— Да, всё будет идеально, — соглашаюсь я.

Я цепляюсь за слова Юли, людей и «Возрождение». Ради этого стоит рискнуть. Всё продумано до мелочей.

Но я не могу забыть губы Павла. Его злые, горящие глаза до сих пор преследуют меня. Тепло его ладони на моей спине будто отпечаталось под кожей.

Это тепло нарушает строгие рамки контракта, превращая деловые отношения в опасную связь.

Он — причина всего.

Мой нежеланный партнёр, связанный со мной бумагой.

Вот с чем я буду бороться каждый день.

Надеюсь, у меня хватит сил.

Глава 6

Павел

Скальная стена уходит ввысь. Тёплый серый гранит под пальцами, пока я ищу следующий зацеп. Метрах в шестидесяти над землёй мир сужается до простого: нащупал, проверил, подтянулся, вдохнул.

Никакого офиса, никакой суеты, никакой женщины, способной одним взглядом разрушить мои планы.

— Ты сегодня медленный, — кричит Марк сверху, стоя на небольшой полке в трёх метрах надо мной. — О свадьбе задумался?

Я лишь хмыкаю и смотрю на трещину перед собой.

— Просто наслаждаюсь подъёмом, — отвечаю я. — Это не гонка.

Марк смеется.

— Да уж, это никак не связано с твоей свадьбой с Катей Лариной через пять дней.

Я нахожу опору и подтягиваюсь на полку рядом с ним. Внизу раскинулась долина, покрытая пятнами леса и выжженной травы, как лоскутное одеяло. Мы отправились в путь на рассвете, пока солнце ещё не начало припекать.

— Свадьба — это формальность, — говорю я и делаю глоток воды. — Сделка завершена.

Марк проверяет верёвку и готовится идти дальше.

— Твоей маме так не кажется, — замечает он. — Вчера она звонила мне и спрашивала, не загипнотизировала ли тебя Катя.

— Она просто драматизирует, — с усмешкой отвечаю я.

— Она волнуется, — продолжает Марк. — Все они волнуются. Мама, Лариса, Даша. А Даша вообще спросила, не подмешали ли тебе что-то. Или, может, обряд какой сделали.

Я снова хмыкаю. Мысль о том, как мама и сёстры, пусть даже шутя, пытаются влезть в мои решения, неприятно жжёт внутри.

Я подтягиваю стропы и устраиваюсь поудобнее.

— Ты ведь не скажешь им про контракт? — спрашивает Марк.

— Ни за что.

Он пристально смотрит на меня сквозь тёмные линзы.

— Ты годами мечтал разгромить «Ларина Групп», а теперь вдруг женишься на их гендиректоре. Вот это поворот.

— Мы это уже обсуждали. Это работает. И никто, кроме нас, не понимает, что это «поворот». Только ты и я.

— И Катя, — вставляет Марк.

— И Юля с юристами, — напоминаю я.

— И её красота тут точно ни при чём? — с лёгкой усмешкой уточняет он.

Я бросаю на него взгляд. Вопрос вонзается, как игла.

— Она меня не интересует. Я интересуюсь компанией.

— Но ты всё равно её заметил, — Марк ухмыляется, а за-

тем становится серьёзным. — Будь осторожен, Паш. Не забывай, что её семья сделала с твоей. С твоим отцом.

Внутри всё сжимается от тяжести. Челюсти сами собой стискиваются.

— Я не забыл.

— Хорошо, — Марк продолжает. — Потому что это единственное, что имеет значение. Не влюбляйся в неё. Даже немного.

Я наблюдаю, как он снова поднимается, и его слова эхом звучат в моей голове.

Это предупреждение не нужно.

Десять лет я возводил вокруг себя стены — кирпичик за кирпичиком. Дисциплина, холод, решимость. Я стремился отомстить за отца и сделать «Громов Холдинг» ещё больше.

Но мысль о ней — собранной, умной, слишком спокойной — не отпускает меня. Её присутствие вызывает ненужную суету, раздражая и мешая контролю.

Словно кто-то нащупал кончик нити.

Нить. Слабое место.

Я перережу её, прежде чем она потянет за собой всё остальное.

— Даже не думай, — кричу я Марку и снова поднимаюсь.

Мышцы горят, но это нормально. Чувствую холодную ясность и уверенность. Тело слушается меня.

Мы достигаем вершины. Утро уже тёплое, утренняя прохлада исчезла. Я снимаю снаряжение и сажусь на плоский

камень, разминая плечи. Марк достаёт из рюкзака батончики.

— Лазать с тобой приятнее, чем участвовать в совещаниях, — говорит он, бросая мне один батончик. — Помнишь, как мы первый раз с тобой тут были?

— Десять лет назад, сразу после встречи выпускников, — я разворачиваю обёртку и вспоминаю наш первый разговор. Марк учился на курс старше, но мы быстро нашли общий язык: оба ненавидели «нетворкинг» и обожали горы.

— Тогда ты искал человека, который поможет тебе раскатать портфель «Громов Холдинга», — говорит Марк. — А я думал, как сбежать из «Брехт Консалтинг» и не сломаться на их карьерной лестнице.

Я киваю. Я сразу заметил, насколько у Марка острый ум. То, что началось как редкие консультации, превратилось в нечто большее: три года назад он переехал в «Громов Холдинг» и стал моей правой рукой. Его умение видеть слабые места компаний и рыночные возможности помогло нам расти.

— Ты серьёзно помог нам расшириться, — признаю я. — Без твоих расчётов и идей вся эта история с «Ларина Групп» не получилась бы.

На лице Марка промелькнуло странное выражение.

— Кстати, о Лариных, — начал он. — Ты замечал что-то странное в их финансах? Чем глубже копаю, тем больше вижу нестыковок.

— Например?

Марк пожал плечами.

— Пока нет ничего конкретного, только мелочи, которые не сходятся. Будь настороже с Катей. Она может скрывать больше, чем говорит.

Его интерес к Лариным стал навязчивым. Иногда казалось, что он жаждет раскрыть эту тайну почти так же сильно, как я.

— Катю я возьму на себя, — твердо сказал я.

Марк помолчал, обдумывая мои слова.

— Помни, зачем мы это делаем, Паш, — сказал Марк. — Ради твоего отца. Ради того, что у него отобрали. Брак может быть сделкой, но не позволяй ей уводить тебя от главного.

Я посмотрел вниз, в долину, и его слова меня разозлили.

— Я знаю, что делаю, — отрезал я.

Контроль над ситуацией был абсолютным.

— Ну-ну, — улыбнулся Марк. — Только не давай ей залезть тебе в голову. Такие женщины опасны именно своей силой.

Фраза звучала странно, но я не стал её разбирать. Его тревога была понятна, хотя и чрезмерна. Я знал, как собирал «Громов Холдинг» после смерти отца — шаг за шагом, без права на слабость.

— Пошли вниз, — сказал я, поднимаясь и собирая снаряжение. — Хочу вернуться к ужину.

Мы начали спускаться, а его слова продолжали звучать в

голове.

Брак с Катей — это сделка. И больше ничего.

Моя реакция на неё не важна. Я могу её контролировать. И буду.

Поглощение шло быстрее, чем я ожидал, почти без сопротивления. История о «слиянии» и свадьбе сгладила острые углы, где могла бы возникнуть проблема.

Пусть все называют это «слиянием». Я изменю любые иллюзии о том, кто здесь главный, когда интеграция будет завершена.

Я смотрел на камень перед собой и точно выбирал каждый шаг.

Контроль.
 Фокус.
 План.

На этом я стою. На этом я построил «Громов Холдинг».

И именно это мне понадобится, чтобы пережить этот год брака без проблем.

Моя воля против её воли.
 Моё влияние против её тревожного присутствия.

Я не сдамся.

Глава 7

Павел

Два дня спустя я в гостиной своего пентхауса слежу за цифрами на экране охраны: лифт поднимается. Катя уже в пути. Она переезжает ко мне.

Звенит звонок. Я выхожу в прихожую.

Катя появляется с чемоданом, чехлом для одежды, уютной круглой лежанкой и маленькой собакой на поводке. Пёсик весело бежит рядом.

— Собака? — удивляюсь я. — Ты ничего не говорила о ней.

Катя смотрит прямо, без тени смущения.

В договоре сказано, что я могу привезти нужные вещи. Она — нужная.

Собака, похожая на спаниеля с длинными ушами, с достоинством осматривает гостиную. Она обнюхивает край итальянского дивана, оценивая интерьер.

— И что скажет Мария Петровна? — бормочу я.

— Кто?

— Домработница. Она следит за домом, готовит и занимается бытовыми делами.

— Она не любит собак?

— Не знаю, я мало с ней общаюсь. — Я киваю на собаку.
— Что за порода?

Катя присаживается и отстегивает поводок.

— Кавалер-кинг-чарльз-спаниель. Ее зовут Винни.

— Она... навязчивая? И что с ней делать днем?

— Она воспитанная. Если потребуется, буду брать ее в офис, найду передержку или нанимаю выгульщика. — Катя выпрямляет спину и мягко проводит ладонью по Винни. — Все будет хорошо.

Я держусь на расстоянии, пока они осваиваются. Катя обращается с собакой так нежно и привычно, что это для меня странно. У нас дома никогда не было животных. Мама считала это ненужной заботой.

— Сюда, — говорю я и веду её в спальню. — Можешь разложить вещи здесь.

Катя идёт следом с чемоданом, а Винни бежит рядом. У двери она замирает, разглядывая огромную кровать, панорамные окна и минималистичный интерьер.

—

— Где ты собираешься спать? — спокойно уточняет она.

— Здесь, — отвечаю, указывая на кровать. — Если будем спать в разных спальнях, это вызовет вопросы у персонала и охраны. В договоре указано: сохраняем имидж.

Ее плечи слегка напрягаются. Она осторожно ставит круглую лежанку у окна.

— Собака не может спать здесь.

— Это ее первая ночь в новом месте.

Винни смотрит на меня. Прямо в глаза.

И вдруг я осознаю: хищник здесь я.

— Хорошо, одну ночь, — соглашаюсь.

Катя молчит. Но её подбородок слегка приподнимается — упрямо, почти дерзко.

— Ванная там. Шкаф слева твой. Мария Петровна обычно приходит к десяти, но завтра будет в восемь. Хочет познакомиться с тобой до нашего отъезда по офисам.

Катя благодарит и проводит рукой по краю кровати. В ее голосе звучит непривычная официальность. Мы словно коллеги, оказавшиеся в одном номере.

Мы будем спать в одной постели целый год, но между нами будто пропасть.

— Мне нужно позвонить, — говорю я. — Чувствуй себя как дома.

Я закрываю дверь и ухожу в кабинет. Здесь никогда не жила женщина, и я никогда этого не желал.

Сажусь за стол и открываю файлы по проекту в Екатеринбурге. День, можно решить несколько вопросов: уточнить цифры, обсудить поставки, согласовать сроки. Но сосредоточиться не получается — мысли разбегаются.

Катя бродит по квартире. Винни цокает лапками по полу. Чужие звуки нарушают тишину, которая всегда была моей.

Мария Петровна — единственная женщина, кто регулярно появляется в этом доме, но по делу.

Катя будет жить здесь постоянно. Спать в моей кровати, пользоваться моей ванной.

В этом доме постоянно будет женщина. Постоянно.

Я снова смотрю в монитор, стараясь сосредоточиться на работе. Но раздражение не покидает меня. Это всего лишь деловой контракт.

Один год.
 Я смогу справиться с чем угодно, если это продлится всего год.

Проходит несколько часов. Когда наконец выхожу из кабинета, дома уже сумерки. В гостиной горит единственная лампа. Дверь спальни плотно закрыта, но из-под нее пробивается тонкая полоска света.

Наливаю виски и подхожу к окну. Смотрю на вечерний город. Огни загораются один за другим, успокаивая своим знакомым ритмом.

Моя территория. Моя крепость.

Катя Ларина здесь временно. Ничего не меняется.

Допиваю виски и иду в спальню.

Дверь в ванную закрыта. Гашу свет, быстро раздеваюсь, аккуратно складываю одежду на стул. Забираюсь в кровать — прохладный хлопок простыни приятно касается кожи.

Всегда так сплю. Не собираюсь менять привычки.

Через минуту открывается дверь ванной. Катя выходит в серой пижаме, застёгнутой почти до самой шеи. Но ткань слишком тонкая, и взгляд невольно цепляется за мягкие линии её груди.

Меня накрывает жар.

Хорошо, что между нами одеяло.

Я едва заметно сдвигаю колени и заставляю себя лежать спокойно, стараясь не выдать, как резко тело отреагировало на ее появление.

Катя замирает.

— Ты спишь голым?

— Да.

— И... как мы будем спать? — спрашивает она.

Не дожидаясь ответа, она подходит к шкафу, достает стопку подушек и аккуратно кладет их на середину кровати.

Стена. Барьер.

Ее грудь мягко колышется под пижамой. Я заставляю себя отвести взгляд и смотрю на Винни. Собака, свернувшись в своей лежанке, с интересом наблюдает за происходящим.

— Боишься, что я переступлю твою линию? — спрашиваю я, чувствуя, как голос становится хриплым.

— Просто устанавливаю границы, — отвечает Катя, устраиваясь поудобнее.

Она выключает лампу у своей тумбочки, ложится под одеяло и поворачивается ко мне спиной. Ее плечи напряжены.

Я тоже гашу свет. В комнате остается лишь слабое свечение из окна. Тишина. Слышно только наше дыхание.

Закрываю глаза, но заснуть не получается. Катя лежит всего в нескольких сантиметрах от меня. В воздухе витает ее легкий, свежий аромат — травянистый, ненавязчивый. От мысли, что она рядом, кожа начинает гореть. Под одеялом пульс ускоряется. Я ворочаюсь, стараясь найти позу, в кото-

рой не буду так остро ощущать это «рядом».

Вдруг слышу мягкое движение. Открываю глаза: Винни слезла со своей лежанки и запрыгнула на кровать. Идеально — прямо в середину, прямо на Катину подушку.

Мы с Катей не двигаемся, позволяя ей устроиться. Винни пару раз вертится на месте и с довольным вздохом ложится.

— Смотри, она дипломат, — шепчет Катя.

— Скорее надсмотрщик, — бормочу я.

— Только бы не храпела.

Катя тихо фыркает. И почти сразу Винни начинает храпеть.

Кажется, год будет очень долгим.

Глава 8

Катя

Я наливаю кофе, и остро ощущаю присутствие Павла у кухонного островка. Он погружен в телефон. До свадьбы осталось три дня, и мы едва выдерживаем взгляд друг друга.

Винни семенит по полу, лапы чуть скользят за углом. Я поставила её миски в дальний угол кухни, чтобы не бросались в глаза. Она виляет хвостом, всё обнюхивает и вдруг замирает у вентиляционной решётки у плинтуса.

— Она всегда такая бодрая по утрам? — спрашивает Павел, не глядя на меня.

— Да, она привыкает, — отвечаю я, стараясь не раздражаться. — Новое место, новые запахи.

Павел издает звук — то ли раздражение, то ли усталость. Холодильник тихо гудит. На ошейнике Винни звенит брелок. Пальцы Павла снова и снова стучат по экрану. Каждый звук действует мне на нервы.

В квартиру заходит женщина лет сорока с пакетами в руках. Светлые волосы собраны в хвост, взгляд цепкий — такой, что сразу ясно: от неё в этой квартире ничего не скрыть.

— Доброе утро, Павел Сергеевич, — говорит она, замечая меня. — А вы, должно быть, Екатерина?

— Мария Петровна, — говорит Павел, наконец убирая телефон. — Катя, это Мария Петровна Волкова, наша помощ-

ница по дому.

— Очень приятно, — говорю я, протягивая руку. — Зовите меня просто Катя.

Она крепко пожимает мою руку, по-деловому.

— Взаимно, интересно познакомиться с дамой сердца Павла, — добавляет она.

Я не успеваю ответить. Винни уже подбежал к новой гостье. Мария Петровна улыбнулась, её глаза потеплели, когда Винни уткнулась носом ей в колено. Она присела и протянула ладонь. Винни обнюхала её и осторожно лизнула.

— Кто это у нас такой маленький? — спросила она, почесав Винни за ушами.

— Это Винни, — сказал я, наблюдая, как они быстро нашли общий язык. — Надеюсь, вам не мешает.

Мария Петровна выпрямилась и улыбнулась.

— Ничего, всё в порядке. Милашка какая! А это кто, порода?

— Кавалер-кинг-чарльз-спаниель, — ответил я.

— Красавица. Буду чаще пылесосить. — Она снова берется за пакеты. — А ест она что-то особенное?

— Я привезла ей еду на неделю, — показываю на угол кухни. — Но она не капризничает.

— Прекрасно.

Мария Петровна уверенно раскладывает покупки. Всё идёт быстро и спокойно, без суеты. Вещи сразу находят свои места.

— Если понадобится что-то купить, привезти или забрать — говорите, не стесняйтесь.

Павел смотрит на происходящее с лёгким удивлением, словно видит всё впервые.

— Мария Петровна помогает нам по будням, — говорит он. — Иногда и по субботам. С десяти до трёх. Она занимается хозяйством, готовит и решает все бытовые вопросы.

— И развлекает Винни теперь, — добавляет Мария Петровна.

— Спасибо огромное, — благодарю я. — Я волновалась, что ей будет тяжело одной.

— Всё будет хорошо. У неё есть переноска или клетка?

— Да, она в машине.

Павел смотрит на часы.

— Нам пора. Совет директоров через час. Мария Петровна, попросите консьержа найти кого-нибудь, кто поможет поднять клетку. У них есть ключ от машины Кати.

— Важный день? — интересуется она.

Павел кивает.

— Катя сегодня презентует проект перед советом.

Мария Петровна обращается ко мне.

— Удачи вам.

Я улыбаюсь. Удивительно, что Павел вообще рассказал ей об этом.

Показываю Марии Петровне поводок и игрушки Винни, кратко рассказываю о распорядке дня. Павел ждет у лиф-

та — напряженный, но сдержанный. В лифте мы стоим на разных сторонах. Названный жених проверяет почту, а я размышляю, что скажу на встрече.

— Твоя помощница классная, — говорю я.

— Да, убирается хорошо и держит язык за зубами.

У подъезда нас ждет машина. За рулем Анатолий. Павел открывает мне дверь, садится рядом. Между нами остается слишком много места, как будто для третьего пассажира.

Мы выезжаем на дорогу и вливаемся в поток машин. Я смотрю в окно.

— Пресса, слева, — говорю я.

Он отрывается от телефона, берет меня за руку. Наши пальцы переплетаются.

— Улыбайся, — говорит он.

Я поворачиваюсь к нему, лицо держу ровным. Вспышки бьют в салон, как стробоскоп.

Выражение лица Павла внезапно меняется. Жесткая маска исчезает, его губы чуть приоткрываются, а взгляд становится мягче, уже не такой ледяной, как минуту назад.

Это всего лишь игра. Но тепло его ладони ощущается по-настоящему.

На мгновение у меня замирает сердце.

Светофор загорается зеленым, и Анатолий трогается с места. Павел отпускает мою руку и вновь отвлекается на телефон.

— Это должно сработать, — говорит он, не отводя глаз

от экрана. — Анатолий, займись тонировкой стекол, — добавляет он.

— Хорошо, Павел Сергеевич, — отвечает Анатолий.

Я смотрю в окно, вижу свое отражение. Память о его руке до сих пор ощущается на коже, как легкое тепло.

— Ты готова убедить Анну Белову? — неожиданно спрашивает Павел.

— Да, — отвечаю я, выпрямляясь и радуясь возможности сменить тему. — Я разобралась со всеми ее вопросами с прошлой встречи.

— Она будет искать уязвимые места.

— Я понимаю. Она с самого начала сомневалась в «Возрождении». Считает, что если что-то экологичное, то оно автоматически хуже по качеству.

— Она ориентируется на факты.

— Цифры у нас есть. Спрос на экологичные люксовые бренды растет очень быстро. Это модно сейчас!

Павел внимательно смотрит на меня.

— Да, согласен.

— Прочитал презентацию?

 — Конечно. Это большой проект компании, надо быть в курсе всего.

Он управляет компанией, я это знаю. Но всё равно чувствую, как по спине пробегает холод: он читает Мой проект анализирует мои намерения без приглашения, просто потому что может. Мы подъезжаем к главному офису «Ларина Групп». Здание в стиле ар-деко сверкает под утренним солн-

цем. Строгие линии, камень, металл и изящная геометрия создают ощущение элегантности и силы.

Анатолий остановился у входа. Камеры снова зафиксировали нас.

— Поехали, — сказал Павел, открывая дверь машины.

Когда вспышки камер ослепили меня, его рука легла на мою талию. Я улыбнулась толпе. Его прикосновение было уверенным и деловым — просто поддержка для кадра.

Спектакль окончен.

— Встречаемся в главном переговорном, — сказала я, нажимая кнопку лифта. — Константин обещал прийти, но в последнее время он... как получится.

Павел поджал губы:

— Он меня избегает.

— Он всех избегает.

Наверху нас встретила Юля с планшетом:

— Анна уже здесь. Спрашивает.

— Ну что ж, ничего нового, — пробормотала я.

Мы шли по коридору. Юля наклонилась ко мне:

— Константин звонил. Задерживается.

Я кивнула, ничего не сказав.

Анна Белова уже сидит в переговорной, перелистывая заметки. У нее десять процентов акций. У Павла — пятьдесят два, у меня — тридцать три, у Константина — пять. Я почти ощущаю, как Павел мысленно просчитывает, как забрать и ее долю.

Мой финансовый директор Борис Климентов тоже здесь, готовый к работе. Юля садится рядом.

— Доброе утро, — начинаю я. — Спасибо, что пришли. Начнем.

Юля раздает папки. Я открываю презентацию.

На экране появляются слайды. Цифры, графики, прогнозы. Я объясняю, почему проект «Возрождение» важен для нас.

Анна неожиданно прерывает меня:

— Эти прогнозы кажутся слишком оптимистичными. А стартовые затраты...

Я спокойно отвечаю:

— Да, затраты высокие, но перерасход маловероятен. Мы модернизируем существующее производство, а не начинаем с нуля. Окупаемость будет достигнута к третьему году. Рост — около пятнадцати процентов ежегодно. Уже есть интерес со стороны покупателей люкса.

— А если рост остановится? — спрашивает она.

— Такое всегда возможно, — отвечаю я.

— Мы закладывали скорее осторожные прогнозы, а не оптимистичные.

Она поворачивает голову к Павлу.

— Что скажете?

Павел наклоняется вперед.

— «Ларина Групп» должна была действовать еще несколько лет назад. Рынок экологичного люкса растет быст-

рее, чем традиционные сегменты, — продолжает он. — Катя использует очень осторожные цифры по нынешним трендам. Маржа, вероятно, будет выше, поскольку мы ориентируемся на премиум-сегмент. Позиционирование сильное: бренд сохраняет свою уникальность, отвечая современным ценностям и сохраняя ощущение эксклюзивности.

Анна слегка наклоняет голову.

— Вы поддерживаете?

— Да, — уверенно отвечает Павел. — Это правильное направление, и «Громов Холдинг» тоже может извлечь выгоду.

Я внимательно смотрю на него, стараясь уловить смысл его слов.

— Раз вы поддерживаете и считаете цифры обоснованными, я не буду мешать, — говорит Анна. — Одобряю. Но хочу видеть квартальные отчеты.

— Они уже включены в план, — отвечаю я. — Скоро я поеду осматривать две пилотные площадки.

Дверь открывается, и появляется Константин — помятый, рассеянный. Он бормочет приветствие, садится и смотрит на презентацию, но, кажется, не видит ее.

— Мы получили одобрение на следующий этап проекта «Возрождение», — сообщаю я ему.

Константин кивает, его взгляд устремлен куда-то вдаль.

— Это в духе Андрея, — добавляет он, упомянув моего отца. Я на мгновение теряюсь, не ожидая такого комментария.

После нескольких коротких вопросов встреча заканчивается. Все расходятся, включая Константина. Павел остается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.